

1001 ночь.

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне ШаррКане, и другом сыне Дауль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 45-50](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 51-56](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 57-62](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 63-68](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 69-74](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 75-80](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 81-86](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 87-92](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 93-98](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 99-107](#)

А какова их повесть?" – спросил царь.

И Шахразада сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что был в городе Мира [81], в славное халифство Абдаль-Мелика ибн Мервана, царь, которого звали Омар ибн ан-Нуман. Он был из великих властителей и покорил царей – Хосроев и кесарей [82], и нельзя было греться у его огня [83]. И не гонялся с ним никто на ристалище, и когда он был гневен, из ноздрей его вылетали искры. Он овладел всеми землями, и Аллах подчинил ему всех рабов своих, и веления его исполнялись во всех городах, а войска его достигли отдаленнейших краев. И вошли под власть его и восток и запад и то, что меж ними, – и Хинд, и Синд, и Китай; и земля аль-Хиджаз и страна аль-Пемен; и острова Индии и Китая; и страны севера; Диар-Бекр и земля Мерных и острова морей, и все, какие есть на земле, знаменитые реки, Сейхун и Джейхун [84], Нил и Евфрат.

И он послал своих послов в отдаленнейшие города, чтобы они принесли ему верные сведения, и они вернулись и рассказали о том, что там справедливость, повиновение и безопасность, и люди молятся за султана Омара ибн ан-Нумана. Вот! А Омар ибн ан-Нуман, о царь времени, обладал великою знатностью, и к нему везли дары и редкости и подать изо всех мест.

И был у него сын, которого он назвал Шарр-Каном, и был он более всех людей похож на него, и вырос он как бедствие из бедствий судьбы, и покорял доблестных и уничтожал соперников. И отец полюбил его великою любовью, больше которой не бывает, и поручил ему царствовать после себя. И Шарр-Кан рос и достиг возраста мужей, и стало ему двадцать лет жизни, и Аллах подчинил ему всех рабов – такова была сила его ярости и суровости. А у отца его Омара ибн ан-Нумана было четыре жены, согласно Книге и установлениям [85], но только ему не было дано от них сына, кроме Шарр-Кана, который был от одной из них, а остальные были бесплодны, и ни от одной из них он не имел ребенка.

А вместе с этим у него было триста шестьдесят наложниц, по числу дней в году у коптов [86], и эти наложницы были из всех народов, и он устроил для каждой из них комнату (а эти комнаты были внутри дворца), и выстроил двенадцать дворцов, по числу месяцев в году, и сделал в каждом дворце тридцать комнат, так что всех комнат стало триста шестьдесят. И он поселил этих невольниц в тех комнатах и назначил каждой из наложниц одну ночь, которую он проводил у нее, и он приходил к ней только через целый год, и так он провел некоторое время.

И его сын Шарр-Кан прославился во всех странах, и отец его радовался ему, и сила его увеличилась, и он преступил границы и возгордился и завоевал крепости и земли. И по предопределенному велению было так, что одна невольница из невольниц Омара ибн ан-Нумана понесла. И тягота ее стала известна, и царь узнал об этом и обрадовался великою радостью и сказал: "Быть может, будут все мои дети и мое потомство мужским!" И он отметил время, когда она понесла, и стал ей оказывать благоволение.

И Шарр-Кан узнал об этом и сделался озабочен, и ему показалось великим это дело, и он сказал: "Явится тот, то будет оспаривать у меня царство! Если эта невольница родит дитя мужского пола, я убью его". Но мысли эти он скрыл в своей душе. Вот что было с Шарр-Каном.

Что же касается невольницы, то это была румийка [87], и ее прислал в подарок царь румов, властитель Кайсарки [88], и прислал вместе с нею редкости во множестве. А имя ее было Суфия, и была она прекраснее всех невольниц и красивее их лицом, и она лучше их всех соблюдала свою честь и обладала в избытке умом и блестящую прелестью. И она прислуживала царю в ту ночь, которую он проводил у нее, и говорила ему: "О царь, я желала бы от господа небес, чтобы он тебя наделил от меня ребенком мужского пола, и я могла бы хорошо воспитать его и старательно образовать и уберечь".

А царь радовался, и ее слова нравились ему. И она поступала так, пока не исполнились ее месяцы, и тогда она села на седалище родов, а во время беременности она была праведна и хорошо соблюдала благочестие и молила Аллаха, чтобы он наделил ее здоровым ребенком и облегчил ей роды, и Аллах принял ее молитву. А царь поручил евнуху сообщить ему, кого она родит: дитя мужского пола или женского. И сын его Шарр-Кан также послал кого-то, чтобы осведомить его об этом.

И когда Суфия родила, повитухи осмотрели новорожденного, и оказалось, что эта девочка с лицом яснее месяца. И они сообщили о ней присутствующим, и посланец царя вернулся и рассказал ему, и посланец Шарр-Кана тоже рассказал ему об этом, и тот обрадовался великою радостью. А когда евнухи ушли, Суфия сказала повитухам: "Подождите со мною немного, я чувствую во внутренностях еще что-то другое!" И она застонала, и роды пришли к ней вторично, но Аллах помог ей, и она родила второго младенца, и, когда повитухи осмотрели его, они увидали, что это дитя мужского пола, похожее на луну, с сияющим лбом и румяными, розовыми щеками.

И невольница, и слуги, и челядь обрадовались ему, а также и все, кто присутствовал при этом, и Суфия выкинула послед, а во дворце уже поднялись крики радости, и остальные невольницы услыхали и позавидовали ей.

И эта весть дошла до Омара ибн ан-Нумана, и он возвеселился и обрадовался и, поднявшись, вышел и поцеловал Суфию в голову и посмотрел на новорожденного, а затем он склонился над ним и поцеловал его. А невольницы забили в бубны и заиграли на инструментах, и царь повелел, чтобы новорожденного назвали Дауль Макан, а сестру его – Нуздат-аз-Заман. И его приказанию последовали и ответили вниманием и повиновением, и царь назначил младенцам, чтобы ходить за ними, кормилиц, и слуг, и челядь, и нянек и установил им выдачу сахара, напитков, масел и прочего, что описать бессилен язык.

И жители Багдада услышали о том, какими наделил Аллах паря детьми, и город украсился, и стали бить в литавры, и эмиры, везиры и вельможи царства пришли и поздравили царя Омара ибн ан-Нумана с сыном Дауль Маканом и дочерью Нуздат-аз-Заман. И царь благодарил их за это и наградил их и умножил им свои милости, одаряя их, и облагодетельствовал присутствующих, приближенных и простых. И в таком положении он пребывал, пока не прошло четыре года, и через каждые несколько дней он спрашивал о Суфии и ее детях, а после четырех лет он приказал перенести к ней множество драгоценностей, одежд и украшений и денег и поручил ей воспитать детей и хорошо обучить их.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И при всем этом царевич Шарр-Кан не знал, что его отцу Омару ибн ан-Нуману было дано дитя мужского пола, и не ведал, что у его отца есть ребенок, кроме Нуздат-аз-Заман, и от него

скрывали

сведения

о Дау-аль-Макане, пока не прошли года и дни, а он был занят битвами с храбрецами и поединками с витязями. И вот в один из дней царь Омар ибн ан-Нуман сидит, и к нему входят придворные и, целуя землю меж его рук, говорят ему: "О царь, к нам пришли послы от царя румов, властителя Кустантынии великой [89], и они желают войти к тебе и предстать меж твоих рук. И если царь разрешит им войти, мы введем их, а иначе – нет возражения его приказу".

И царь разрешил им сойти, и когда они вошли, склонился к ним и встретил их и спросил, кто они и какова причина их прибытия, и гонцы поцеловали землю меж его рук и сказали: "О великий царь, щедрый на руку, Знай, что нас послал к тебе царь Афридуна, властитель стран греческих и войск христианских, пребывающий в царстве аль-Кустантынии. Он извещает тебя, что ныне он ведет жестокую войну с упорным гордецом – властителем Кайсарии, и причина этому в том, что одному из царей арабов случилось в древние времена, в один из своих походов, найти клад времен аль-Искандера [90], и он перевез оттуда богатства неисчислимые, и среди того, что он нашел, было три круглых драгоценных камня, величина с яйцо страуса, и были они из россыпи белых, чистых камней, которым не найти равных. И на каждом камне были вырезаны греческими письменами дела тайные и им присущи многие полезные свойства и особенности, и одно из этих свойств то, что всякого младенца, на чью шею повесят один из этих камней, не поразит болезнь, пока этот камень будет висеть на нем, и не застанет он, и его не залихорадит.

И когда он нашел их и наложил на них руку и узнал, какие были в них тайны, он послал царю Афридуну в подарок некоторые редкости и деньги и, между прочим, эти три камня. И снарядил два корабля, на одном из которых были деньги, а на другом – люди, чтобы охранять эти подарки от случайных встреч в море. Но он знал, что никто не властен задержать его корабли, так как он царь арабов, и в особенности потому, что путь кораблей, на которых подарки, пролегает по морю, входящему в царство царя аль-Кустантынии, и эти корабли направляются к нему, а на побережье этого моря нет никого, кроме подданных великого царя Афридуна.

И когда корабли были снаряжены, они поплыли и приблизились к нашим странам, и к ним вышли какие-то разбойники из этой земли, и среди них были войска от властителя Кайсарии. И они взяли все бывшие на кораблях редкости, и деньги, и сокровища, и три драгоценных камня, и перебили людей, и об этом узнал наш царь и послал на них войска, но они сломили его, и тогда он послал на них второе войско, сильнее первого, но и его также они обратили в бегство, и царь разгневался и поклялся, что непременно выйдет на них сам со всеми своими войсками и не вернется от них, пока не превратит Кайсарию армян в развалины и не оставит их землю и все страны, которыми правит их царь, разрушенными.

И желаем мы от владыки века и времени, царя Омара ибн ан-Нумана, властителя Багдада и Хорасана, чтобы он поддержал нас своим войском, дабы досталась ему слава, и наш царь приспал тебе с нами подарки всякого рода и просит, чтобы царь сделал ему милость, приняв их, и оказал бы ему милостивую помощь. И потом посланцы облобызали землю меж его рук..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок шестая ночь

Когда же наступала сорок шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что войска и посланцы, прибывшие от царя аль-Кустантынии, облобызали землю меж рук царя Омара ибн ан-Нумана, рассказав ему обо всем, и выложили ему подарки. А подарками были: пятьдесят невольниц из лучших земель румов и пятьдесят невольников, на которых были парчовые кафтаны с поясами из золота и серебра. И у каждого невольника в ухе было золотое кольцо с жемчужиной, ценою в тысячу мискалей [91] золота, и у невольниц также и на них были одежды, которые стоили больших денег. И, увидав их, царь принял их и обрадовался и велел оказать почет посланцам.

И он обратился к своим визирам и посоветовался с ними о том, что ему делать, и из среды их поднялся один визирь, – а это был дряхлый старец, по имени Дандан, – и поцеловал землю меж рук царя Омара ибн ан-Нумана и сказал: "О царь, самое лучшее в этом деле, чтобы ты снарядил большое войско, и поставил во главе его твоего сына Шарр-Кана, а мы будем перед ним слугами. И так поступить, по-моему, всего лучше по двум причинам: впервых, царь румов прибег к твоей защите и приспал тебе подарки, которые ты принял. А вторая причина та, что враг не отважится вторгнуться в наши земли, и, если твое войско защитит царя румов и будет разбит его враг, это дело припишут тебе, и оно станет известно во всех землях и странах, и в особенности, когда весть об этом дойдет до морских островов и об этом прослышият жители Магриба [92], они понесут тебе дары, редкости и деньги".

Услышав это, царь остался доволен речами своего визиря и нашел их правильными и наградил его и сказал: "С подобными тебе советуются цари, и должно тебе быть в передовых войсках, а моему сыну Шарр-Кану в задних рядах войск!" И потом он велел призвать своего сына Шарр-Кана, и тот, явившись, поцеловал землю меж рук своего отца и сел, и царь рассказал ему об этом деле и поведал, что сказали посланцы и что высказал визирь Дандан. И он приказал ему приготовиться и снарядиться в путь и не перечить визирю Дандану в том, что тот будет делать, и велел ему выбрать из своих войск десять тысяч всадников в полном вооружении, стойких в боях и тяготах. И Шарр-Кан последовал тому, что сказал ему отец Омар ибн ан-Нуман, и тотчас же поднялся и выбрал из своих войск десять тысяч всадников. А потом он пошел в свой дворец и сделал смотр войскам и раздал им деньги и сказал: "Срок вам три дня", и они поцеловали землю меж его рук, покорные его приказу, и ушли от него и принялись готовиться и снаряжаться.

А Шарр-Кан вошел в кладовые с оружием и взял вес, что было ему нужно из доспехов и вооружения, после чего направился в конюшни и выбрал коней, меченых и других. Так они проводили три дня, и потом войска вступили в окрестности города Багдада. И Омар ибн ан-Нуман вышел, чтобы проститься со своим сыном Шарр-Каном, и тот поцеловал перед ним землю, и царь подарил ему семь мешков денег. И, обратившись к визирю Дандану, он поручил ему войска своего сына Шарр-Кана, и визирь поцеловал землю меж его рук и ответил ему вниманием и повиновением. И царь обратился к своему сыну Шарр-Кану и велел ему советоваться с визирем обо всех делах, и Шарр-Кан согласился на это, а его отец вернулся и вошел в город.

И после этого Шарр-Кан велел начальникам сделать смотр, и они выстроили войска, а числом было их десять тысяч всадников, кроме тех, что следовали за ними. И потом войска тронулись и забили барабаны, и зазвучали трубы, и развернулись знамена и стяги. И царевич Шарр-Кан поехал, и визирь Дандан был рядом с ним, а знамена трепетали над их головами. И они двигались без остановки, предшествуемые послами, пока день не повернулся на закат и не приблизилась ночь. И тогда они спешались и отдохнули и провели эту ночь, а когда Аллах засветил утро, они сели на коней и поехали, ускоряя ход, в течение двадцати дней, а послы указывали им дорогу. А на двадцать первый день они подошли к долине, распространившейся во все стороны, обильной деревьями и растениями и обширно раскинувшейся. И прибытие их в эту долину случилось ночью. И Шарр-Кан приказал им спешиться и оставаться в этой долине три дня, и войска спешались и разбили палатки, и воины рассеялись направо и налево. Визирь Дандан, а с ним послы Афридуна, властителя аль-Кустантынии, расположился среди этой долины. А что до царя Шарр-Кана, то он, когда войско прибыло, постоял некоторое время, пока все не спешились и не рассеялись по долине. А потом он отпустил поводья своего коня и хотел осмотреть эту долину и нести охрану сам, следя наставлениям отца, – они ведь подошли к стране румов, к земле врага. И он отправился один, приказав сначала своим невольникам и приближенным расположиться подле визиря Дандана, и ехал на своем коне по краю долины, пока не прошло четверти ночи.

И Шарр-Кан устал, и сон одолел его, и он был не в силах даже понукать своего коня, а у него была привычка спать на коне. И когда сон налетел на него, он уснул, и конь нес его, не останавливаясь, до полуночи и вошел о какую-то рощу, а в этой роще было много деревьев. И Шарр-Кан не проснулся, пока его конь не ударил копытом о землю. Только тогда Шарр-Кан пробудился и увидел себя среди деревьев, и месяц взошел над ним и осветил оба края неба. И Шарр-Кан пришел в недоумение, увидав себя в этом месте, и произнес слова, говорящий которые не смутятся, то есть: "Нет моши и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!" И пока он пребывал в таком состоянии, страшась

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

диких зверей, вдруг лунный свет распространился над лугом, подобным одному из лугов рая, и он услышал прекрасные речи и громкий смех, пленяющий умы мужей.

И царь Шарр-Кан сошел со своего коня и привязал его в деревьях и шел, пока не приблизился к струящемуся потоку воды. И тут он услышал слова женщины, говорившей по-арабски: "Клянись мессией, нехорошо это от вас! Всякую, кто произнесет одно слово, я повалю и скручу поясом! Вот!" А Шарр-Кан шел на голоса и дошел до конца этого места и вдруг видит: течет река, порхают птицы, носятся лани и играют звери. А птицы на разных языках изъясняют свойства счастья. И это место было оплетено разными растениями, как сказал о нем кто-то из описывающих его в таком двустишии:

Тогда лишь прекрасен мир, когда вся земля цветет

И воды поверх нее текут безудержно.

Творение господа, великого, властного,

Дары нам дающего и всякую милость.

И Шарр-Кан взглянул на это место и видит: там монастырь, а в монастыре – крепость, возвышающаяся в воздухе, в сиянии месяца, а посредине крепости – река, из которой вода течет в эти сады, и тут же – женщина, а перед нею десять невольниц, подобных месяцам, одетых: в одежды и украшения, ошеломляющие взор. И все они были такие, как сказано о них в таких стихах:

Луг сияет – так там много

Дев прекрасных, белоснежных.

Он красивей и прекрасней

От невиданных красавиц.

Все невинные коварны,

Полны неги и жеманства,

Распускают вольно кудри,

Что кистям лозы подобны.

И чаруют всех очами,

Что кидают метко стрелы.

Горделивы, смертоносны

Для мужей они могучих.

И Шарр-Кан посмотрел на этих десять девушек и увидел среди них красавицу, подобную полной луне, с черными волосами, блестящим лбом, большими глазами и вьющимися кудрями, совершенную по существу и по свойствам, как сказал о ней поэт в таких стихах:

Сияет нам она чарующим взором

И станом стыдит своим самхарские копья [93].

Она появляется с лицом нежно-розовым,

И прелесть красот ее во всем разнородна.

И кажется, будто прядь волос над челом ее

Мрак ночи, спустившийся на день наслажденья.

И Шарр-Кан услышал, как она говорила невольницам: "Подойдите, чтобы я поборолась с вами, раньше чем скроется месяц и придет утро". И каждая из них подходила к девушке, и та сразу же повергала ее на землю, и скручивала ей руки поясом. И она до тех пор боролась с ними и валила их, пока не поборола всех.

И тогда к девушке обратилась старуха, стоявшая перед ней, и эта старуха сказала ей, как бы гневаясь на нее: "О развратница, ты радуешься тому, что поборола девушек, я вот старуха, а повалила их сорок раз. Чего же ты чванишься? По если у тебя есть сила, чтобы побороться со мной, поборись, и я встану и положу свою голову между твоими ногами". И девушка с виду улыбнулась, хотя внутренне исполнилась гнева на нее, и встала и сказала: "О госпожа моя, Зат-ад-Давахи, заклинаю тебя мессией, будешь ли ты бороться вправду, или ты шутишь со мной?" И она ответила: "Да..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок седьмая ночь

Когда же наступила сорок седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда девушка спросила Зат-ад-Давахи: "Заклинаю тебя мессией, будешь ли ты бороться вправду, иди ты шутишь со мной?" – та ответила: "Напротив, я буду с тобой бороться вправду", а Шарр-Кан смотрел на них.

"Вставай бороться, если у тебя есть сила", – сказала девушка. И когда старуха услышала это, она разгневалась сильным гневом, и волосы на ее теле поднялись, точно иглы ежа, а потом она вскочила, и девушка поднялась к ней, и старуха воскликнула: "Клянусь мессией, я буду с тобой бороться только обнаженной, о развратница!"

А затем старуха взяла шелковый платок, развязала свою одежду и, сунув руки под платье, сняла его со своего тела, после чего она скрутила платок и обвязала его вокруг пояса и стала похожа на плешишую ифритку [94] или пятнистую змею. И она обратилась к девушке и сказала: "Сделай так же, как я сделала!" И при всем этом Шарр-Кан смотрел на них, и вглядывался в уродливый образ старухи и смеялся.

И когда старуха сделала это, девушка, не торопясь, поднялась и, взял йеменский платок, дважды обвязалась им и засучила свои шальвары, так что стала видна пара ног из мрамора и над ними хрустальный холм, мягкий и блестящий, и живот, как бы усеянный анемонами, из складок которого веяло мускусом, и груди с сосками, подобные паре плодов граната.

И старуха склонилась к ней, и они схватились друг с другом. И Шарр-Кан поднял голову к небу и стал молиться Аллаху, чтобы девушка

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

победила старуху. И девушка забралась под старуху и, взяв ее левой рукой за перевязь на поясе, а правой рукой за шею и горло, подняла ее на руках, и старуха стала вырываться из ее рук, желая освободиться, и упала на спину, и ее ноги поднялись вверх, так что при свете луны стали видны ее волосы. И она пустила два ветра, один из которых зарылся в землю, а другой дымом поднялся к небу. И Шарр-Кан стал так смеяться над нею, что упал на землю, а затем он встал, обнажил меч и повернулся направо и налево, но не увидел никого, кроме старухи, брошенной на спину.

И Шарр-Кан подумал про себя: "Не соглал тот, кто назвал тебя Зат-ад-Давахи! Это случилось, хотя ты знала, какова со сила с другими". А затем он приблизился к ней, чтобы послушать, что произойдет между ними.

И девушка подошла к старухе и накинула на нее тонкий шелковый плащ и одела ее в ее платье и извинилась перед ней, говоря: "О госпожа моя Зат-ад-Давахи, я хотела только повалить тебя и не хотела всего того, что с то Зою случилось, но ты высокользнула у меня из рук. Да будет же слава Аллаху за спасение!" Но старуха не дала ей ответа и встала и ушла от стыда, и шла до тех пор, пока не скрылась с глаз, и невольницы остались, брошенные, связанные, а девушка стояла одна.

И Шарр-Кан проговорил про себя: "Всякому уделу есть причина. На меня напал сон, и конь привел меня в это место только из-за моего счастья. Быть может, эта девушка и те, что с нею, будут мне добычей". И он направился к коню и сел на него и ударил его ногою, и копь помчался с ним, как стрела, когда она слетела о лука, и в руках Шарр-Кана был его меч, вынутый из ножен, и юноша кричал: "Аллах велик!"

И когда девушка увидела его, она поднялась на ноги и стала на берег потока (а шириной он был в шесть локтей, по мерке рабочим локтем [95]), и прыгнула и оказалась на другом берегу. И она поднялась и крикнула, возвысив голос: "Кто ты, о человек? Ты прервал нашу радость, и, когда ты обнажил свой меч, ты словно ринулся на целое войско. Откуда ты и куда направляешься? Будь правдив в речах, ибо правдивость для тебя полезней, и не лги: лживость – качество скверных. Нет сомнения, что ты сбылся в эту ночь с дороги и приехал в это моею, и спустись отсюда – величайшая для тебя удача. Ты сейчас находишься на лугу, и, если бы мы крикнули здесь один раз, к нам наверное пришли бы четыре тысячи патрициев [96]. Скажи же нам, чего ты хочешь: если ты желаешь, чтобы мы тебя вывели на дорогу, мы выведем тебя, а если ты хочешь подарка, мы тебя одарим".

И, услышав ее слова, Шарр-Кан ответил: "Я чужеземец, из мусульман; сегодня ночью я отправился один в поисках добычи и не нашел добычи лучше этих десяти девушек в эту лунную ночь. Я возьму и приведу их к моим товарищам". – "Знай, – ответила ему девушка, – что до этой добычи тебе не добраться. Эти девушки, клянись богом, тебе не добыча! Не говорила ли я тебе, что ложь отвратительна?" – "Умен тот, кто поучается на примере другого", – отвечал Шарр-Кан. И она воскликнула: "Клянусь мессией, если б я не боялась, что от моих рук случится твоя гибель, я бы наверное закричала криком, от которого луг наполнился бы конными и пешими, по я жалею чужеземца. И если ты хочешь добычи, то я требую от тебя: сойди с коня и поклянись мне твоей верой, что ты не приблизишься ко мне ни с каким оружием. Мы с тобой поборемся, и если ты меня повалишь, клади меня на твоего коня и бери нас всех, как добычу. Если же повалю тебя я, ты будешь в моей власти. Поклянись же мне в этом, я боюсь от тебя обмана; ведь говорится в преданиях: раз вероломство врожденно, верить всякому слабость. Если ты поклянешься мне, я перейду на другую сторону и приду и подойду к тебе".

И Шарр-Кан, которому хотелось ее захватить, сказал про себя: "Она не знает, что я витязь среди витязей". И затем он крикнул ей и сказал: "Бери с меня клятву, чем хочешь и тем, чему доверяешь, что я не пойду к тебе ни с чем дурным, пока ты не приготовишься и не скажешь мне: "Приблизься, чтобы мне побороться с тобой". И тогда я пойду, и если ты повалишь меня, то у меня есть деньги, чтобы себя выкупить, а если повалю тебя я, то это будет величайшая добыча!"

И девушка отвечала: "Я согласна на это". И Шарр-Кан, смущившись, воскликнул: "Клянусь пророком, – да благословит его Аллах и да приветствует, – я тоже согласен". И тогда девушка сказала: "Поклянись же тем" кто вложил души в тела и дал людям законы, что ты мне не сделаешь никакого зла и только поборешься, а иначе ты умрешь вне веры ислама". – "Клянусь Аллахом, – воскликнул Шарр-Кан, – если бы меня приводил к клятве кадий, то будь он даже кадием кадиев [97], он не взял бы с меня таких клятв!" – и он поклялся всем, чем она хотела, и привязал своего коня среди деревьев, будучи по гружен в море размышлений, и воскликнул: "Слава тому, кто сотворил ее из ничтожной воды!" А затем Шарр-Кан укрепился и приготовился к единоборству и сказал девушке: "Переходи и переправься через реку!", но она ответила ему: "Нет мне к тебе переправы! Если хочешь, переправься ты ко мне". – "Я не могу этого сделать", – отвечал Шарр-Кан, и девушка сказала: "О юноша, я приду к тебе".

И затем она подобрала полы и прыгнула и оказалась подле него, на другом берегу реки. И Шарр-Кан приблизился к ней и склонился и захлопал в ладоши, но он был ошеломлен ее красотой и прелестью, и видел образ, который выдубила листьями джиннов рука всемогущества и воспитала рука вышней заботливости, и обвевали его ветры счастья, и встретило при рождении счастливое сочетание звезд.

И девушка подошла к нему и крикнула: "Эй, мусульманин, выступай бороться, прежде чем взойдет заря!" и она обнажила руку, похожую на свежий сыр, и mestность осветилась от нее. Вот! А Шарр-Кан впал в смущение и нагнулся и захлопал в ладоши, и она тоже захлопала в ладоши и влепилась в него, и он вцепился в нее. И они обнялись и схватились и стали бороться, и он положил руку на ее худощавый бок, и его пальцы погрузились в складки ее живота, и члены его расслабли, и он оказался у места желаний, и ей стало ясно, что Шарр-Кан ослаб, и он задрожал, как персидский тростник при порывистом ветре, и тогда девушка подняла его и ударила об землю и села ему на грудь задом, подобным песчаному холму, и Шарр-Кан перестал владеть своим умом. И девушка сказала ему: "О мусульманин, убиение христиан у вас дозволено, но что ты скажешь о том, чтобы быть лишенным жизни?" И Шарр-Кан отвечал: "О госпожа моя, что до твоих слов о лишении меня жизни, то оно, наверное, запретно, так как наш пророк Мухаммед, – да благословит его Аллах и да приветствует! – запретил убивать женщин, детей, старцев и монахов". – "Если вашему пророку было такое откровение, – отвечала девушка, – то нам должно вознаградить его за это. Вставай же, я дарю тебе свою душу, ибо не пропадает милость, оказанная человеку". И она поднялась с груди Шарр-Кана, и тот встал, отряхая со своей головы пыль от одной из обладательниц кривого ребра, а она наклонилась к нему и сказала: "Не смущайся! Как же так, что у того, кто вступает в землю румов, желая добычи, и помогает царям против царей, нет силы, чтобы защититься от обладательницы кривого ребра?" – "Это не от моей слабости, – отвечал Шарр-Кан, – и ты повалила меня не своей силой. Это красота твоя повергла меня. Если ты соблаговолишь еще на одну схватку, это будет для меня милостью". И девушка засмеялась и сказала: "Я согласна на это, но невольницам уже наскутило быть связанными и устали их руки и бока. Лучше будет, если я развязу их. Может быть, борьба с тобою в эту схватку затянется".

И она подошла к невольницам и развязала им плечи и сказала им на языке румов: "Уйдите в такое место, где вы будете в безопасности, пока не пройдет у этого мусульманина охота до вас". И невольницы ушли. И Шарр-Кан смотрел на них, а они глядели на обоих оставшихся. А затем оба они подошли друг к другу, и Шарр-Кан приложил свой живот к ее животу, и когда его живот оказался на ее животе и девушка почувствовала это, она подняла его на руках быстрее разящей молнии и кинула на землю, и он упал на спину, а девушка сказала ему: "Встань, я дарю тебе свою душу во второй раз. В первый раз я оказала тебе милости ради твоего пророка, ибо он объявил недозволенным убивать женщин, а во второй раз – ради твоей слабости и твоих юных лет и потому, что ты чужеземец. Но я дам тебе наставление: если есть в войске мусульман, пришедшем от Омара ибн ан-Омана и присланном им царю аль-Кустантинии, кто-нибудь сильнее тебя, пришли его ко мне и скажи ему обо мне, ибо борьба бывает разных родов и степеней и способов, например притворный способ, а также обгонки, и спешивание, и хватание за ноги, и кусанье за бедра, и рукопашный бой, и переплетенье ног". – "Клянусь Аллахом, о госпожа моя, – ответил Шарр-Кан (а его гнев на нее еще усилился), – будь я мастер ас-Сафади, или мастер Мухаммед Кималь, или ибн ас-Садди в его лучшее время, я бы не запомнил всех этих способов, которые ты упомянула! Клянусь Аллахом, о госпожа моя, ты повалила меня не своей силой, но когда ты соблазнила меня своим задом (а мы, жители Ирака, любим крутые бедра), у меня не осталось ни ума, ни зоркости. Если ты хочешь со мной побороться так, чтобы мой ум был при мне, остается еще лишь одна схватка по правилам этого ремесла, ибо моя живость вернулась ко мне в эту минуту".

И, услышав его слова, она сказала: "Чего ты хочешь достичь этой борьбой, о побежденный? Иди сюда и знай, что этой схватки будет уже довольно".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И затем она нагнулась и призвала его на борьбу, и Шарр-Кан тоже нагнулся над нею и взялся уже не на шутку, остерегаясь ослабеть. И они поборолись немного, и девушка нашла в нем силу, которой она не знала в нем прежде, и сказала ему: "О мусульманин, ты решил быть осторожным?" – "Да, – отвечал Шарр-Кан, – ты ведь знаешь, что мне осталась с тобою только эта схватка, а после каждый из нас уйдет своей дорогой". И она засмеялась, и Шарр-Кан тоже засмеялся ей в лицо, а когда это случилось, девушка быстро схватила его за бедро, неожиданно для него, и бросила его на землю, так что он упал на спину. И тогда она стала над ним смеяться и сказала: "Ты ешь отруби? Или ты, как бедуинский колпак [98], валишься от толчка, или как надувной мячик падаешь от ветра? Горе тебе, злополучный!" Потом она сказала: "Иди к войску мусульман и пришли нам другого, так как ты мало стоек, и кричи о нас среди арабов и персов, турок и дейлемитов: пусть всякий, у кого есть сила, придет к нам". И она прыгнула и оказалась на другой стороне потока и, смеясь, сказала Шарр-Кану: "Мне тяжело расставаться с тобой, о мой владыка! Уходи к твоим товарищам до утра, чтобы не пришли к тебе витязи и не взяли тебя на зубцы копий. А ты – у тебя нет силы защититься от женщины, так как же ты защитишься от доблестных мужей?"

И Шарр-Кан пришел в смущение и сказал ей (а она повернулась, уходя от него, и направилась к монастырю): "О госпожа, уйдешь ли ты и оставишь ли влюбленного чужеземца несчастным с разбитым сердцем?" И она обернулась к нему, смеясь, и сказала: "Что тебе нужно? Я согласна на твою просьбу". "Как могу я, вступив на твою землю и насладившись сладостью твоей милости, вернуться, не поев твоей пищи и твоих кушаний? Ведь я стал одним из твоих слуг", – сказал Шарр-Кан, и девушка ответила: "В милости отказывает только дурной! Пожалуй, во имя бога, на голове и на глазах! Садись на твоего коня и поезжай по берегу потока, напротив меня – ты у меня в гостях".

И Шарр-Кан обрадовался и поспешил к своему коню и сел на него, не останавливаясь, ехал напротив нее (а она шла напротив него), пока не достиг моста, сделанного из тополевых бревен, и там были блоки, подвешенные на железных цепях с замками на крючьях. И Шарр-Кан посмотрел на этот мост и вдруг видит: те невольницы, которые были с девушкой и боролись, стоят и ждут ее. И, подойдя к ним, девушка заговорила с одной из них на языке румов и сказала: "Пойди к нему, возьми его коня за узду и переведи его к монастырю"! И Шарр-Кан двинулся (а девушка перед ним) и переправился через мост, и его ум был ошеломлен тем, что он увидел, и он говорил себе: "О, если бы я это знал и если бы везирь Дандан был со мной в этом месте, чтобы могли его глаза посмотреть на эти красивые лица!"

И он обернулся к той девушке и сказал ей: "О диковина прелести, теперь у меня на тебя двойное право: право дружбы и право того, кто пришел в твоё жилище и принял твоё гостеприимство. Я под твоей властью и руководством. Что, если бы ты соблаговолила поехать со мной в страну ислама, чтобы посмотреть на всех храбрых владык и узнать, кто я?" И девушка, услышав его слова, разгневалась на него и сказала: "Клянусь мессией, я считала тебя обладателем здравого ума, а теперь узнала, насколько испорчено твоё сердце! Как может быть для тебя допустимо сказать слово, восходящее к обману, и как я могу это сделать, зная, что, когда я окажусь у вашего царя Омара ибн ан-Нумана, я уже не вырвусь от него? Ведь за его стенами и в его дворцах: нет подобной мне, хотя бы он был владетелем Багдада и Хорасана [99], у которого двенадцать дворцов, и в каждом дворце невольницы, по числу дней в году, а дворцов числом столько, сколько в году месяцев. И если я окажусь у него, он меня по устрашится, так как по вашей вере мы вам дозволены, как сказано в ваших книгах, которые говорят: то, чем завладели ваши десницы... Так как же ты говоришь мне такие слова! А что до твоих слов: "Ты посмотришь на доблестных мусульман", то, клянусь мессией, ты сказал слово неверное! Я видела ваше войско, когда вы приближались к нашей земле два дня тому назад. Когда вы подошли, я увидала, что вы построились не так, как строятся цари, и что вы просто набранные шайки. Что же до твоих слов: "И ты и знаешь, кто я", то я сделаю тебе милость не ради твоего высокого сана, а поступлю так ради славы. Подобный тебе не говорит этого подобной мне, хотя бы ты был Шарр-Кан, сын Омара ибн ан-Нумана, который появился здесь в это время". – "А ты знаешь Шарр-Кана?" – спросил он ее, и она сказала: "Да, я знала о его прибытии с войсками, число которых десять тысяч всадников, и это потому, что его отец Омар ибн ан-Нуман послал с ним его войско, чтобы поддержать царя аль-Кустантина". – "О госпожа моя, – сказал Шарр-Кан, – заклинаю тебя тем, что ты исповедуешь из твоей веры, расскажи мне о причине этого, чтобы мне стала ясна правда во лжи и то, на ком лежит вина за это".

И девушка ответила: "Клянусь твоей верой, если бы я не боялась, что распространится весть о том, что я из дочерей румов, я бы наверное подвергла себя опасности и вступила бы в единоборство с десятью тысячами всадников и убила бы их предводителя, везира Дандана, и Захватила бы их вождя Шарр-Кана, и в этом не было бы позора для меня, но только я читала книги и изучила правила вежества по речениям арабов; я не буду хвалиться перед тобою доблестью, хотя ты видел мое знание, и искусство, и силу, и превосходство в борьбе. И если бы явился Шарр-Кан вместо тебя этой ночью и ему бы сказали: "Перескочи этот поток!" – он бы не мог этого сделать, и я бы хотела, чтобы мессия бросил его ко мне в этот монастырь, и я бы вышла к нему в виде мужа и взяла бы его в плен и заковала бы в цепи..." И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок восьмая ночь

Когда же настала сорок восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что христианская девушка сказала Шарр-Кану эти слова, которые он услышал, а именно: "Если Шарр-Кан попадется мне в руки, я выйду к нему в виде мужа и закую его в цепи и оковы, после того как возьму его в плен в седле". И когда Шарр-Кан услышал эти слова, его взяла гордость и гнев и ревность витязей, и ему захотелось объявить ей о себе и броситься на нее, но ее красота оттолкнула его от нее, и он произнес:

"И когда свершит молодой красавец единый грех,

Приведут красоты ходатаев ему тысячу".

И девушка пошла, и Шарр-Кан за ней следом, и он посмотрел на спину девушки и видел ее ягодицы, которые бились друг о друга, как волны в содрогающемся море, и произнес такие стихи:

"Заштитник в чертах ее стирает все это ее,

Сердца с ним считаются, когда бы вступил очи Вглядевшись в нее, вскричал я вдруг в удивлении:

"Явилась луна в ту ночь, когда в полноте она.

И если б боролся с ней царицы Билкис ифрит [100],

Хоть славен он силою, в минуту сражен бы был".

И они шли, не останавливаясь, пока не достигли сводчатых ворот, своды которых были из мрамора, и девушка открыла ворота и вошла, и Шарр-Кан с нею, и они пошли по длинному проходу, со сводчатым потолком в виде десяти арок, и под каждой аркой был светильник из хрусталия, горевший, как луч огня. И невольницы встретили девушку "конце прохода с благовонными свечами, и на головах их были повязки, вышитые драгоценными камнями всевозможных родов. И она пошла, предшествуемая невольницами, а Шарр-Кан шел сзади, пока они не достигли монастыря, и Шарр-Кан увидел, что в этом монастыре кругом стоят ложа, одно против другого, и над ними опущены занавеси, окаймленные золотым шитьем, а пол монастыря выстлан пестрым мрамором разных сортов, и посередине его водоем с водою, в котором двадцать четырех золотых фонтана, и из них бьет вода, подобная серебру.

А на возвышении Шарр-Кан увидел ложе, устланное царским шелком, и девушка сказала ему: "Взойди, о мой владыка, на это ложе".

И Шарр-Кан взошел на ложе, а девушка удалилась и некоторое время отсутствовала, и Шарр-Кан спросил о ней кого-то из слуг, и ему сказали: "Она ушла в свою опочивальню, а мы будем прислуживать тебе, как она нам велела". Потом они подали ему диковинные кушанья, и он ел, пока не насытился, а после этого ему принесли золотой таз и кувшин из серебра, и он помыл руки, а душа его была с его войском, так как он не знал, что случилось с ним после него, и ему вспомнилось также, что он забыл наставления своего отца. И он находился в неведении и раскаивался в том, что сделал, пока не взошла заря и не явился день. И тогда он стал вздыхать и печалиться о своих поступках и погрузился в море дум, и произнес:

"Рассудка не лишен был я, – ныне же

В смущенье я. Что делать мне, как мне быть?

Когда б любовь совлек с меня кто-нибудь,

Я б сам силен и властен был здравым стать,

Душа моя от страсти с пути сошла,

Люблю! В беде Аллах лишь поможет мне".

И когда он окончил свои стихи, вдруг показалось большое шествие. Посмотрев, он увидел больше чем двадцать невольниц, подобных месяцам, окружавших ту девушку, а она среди них была как луна меж звезд. И они заслоняли эту девушку, на которой была царская парча, а стан ее был повязан затканным поясом, шитым разными драгоценными камнями, и этот пояс сжимал ее бока, и выставлял ее ягодицы, так что они были подобны холму из хрустала под веткой из серебра, а груди ее походили на пару плодов граната. И когда Шарр-Кан увидел это, его ум едва не улетел от радости, и забыл он свое войско и своего везира. И он всмотрелся в ее голову, и увидел на ней сетку из жемчужин, перемежающихся с разными драгоценными камнями, и невольницы справа и слева от нее принимали ее полы, а она кичливо покачивалась. И тут Шарр-Кан вскочил на ноги, увидя ее красоту и прелест, и закричал: "Берегись, берегись этого пояса!" А затем оп произнес такие стихи:

"О, гибкая, с тяжелыми бедрами,

Гибка она, и грудь ее нежна.

Таит она любовь спою тщательно,

но чувств своих таить я не буду.

Ряд слуг ее идет, за ней следуя:

Жемчужины на нити и порознь".

И девушка долгое время смотрела на него, и вновь и вновь на него взглядывала, пока не удостоверилась, кто он, и не узнала его, и тогда она сказала, после того как подошла к нему: "Это место озарено и освящено тобой, о Шарр-Кан! Какова была твоя ночь, о богатырь, после того, как мы ушли и оставили тебя? Ложь для царей недостаток и порок, в особенности для царей великих, – продолжала она. – Ты Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана, не скрывай же твоей тайны и твоего положения и но Заставляй меня после этого ничего слушать, кроме правды, ибо ложь порождает ненависть и вражду. Стрела судьбы пронзила тебя, и тебе надлежит покориться и быть довольным".

И когда она сказала это, Шарр-Кан не мог отрицать и подтвердил правдивость ее слов и сказал: "Я Шарр-Кан, сын Омара ибн ан-Нумана, которого подвергла пытке судьба и закинула в это мою; делай же теперь что хочешь".

И девушка опустила голову к земле на долгое время, а потом обратилась к Шарр-Кану и сказала: "Успокой свою душу и прохлади свои глаза, ты мой гость, и между тобою и нами есть хлеб и соль. Ты под моей защитой и покровительством, будь же спокоен! Клянусь мессией, если бы обитатели земли пожелали повредить тебе, они бы наверное не достигли до тебя раньше, чем изошел бы из-за тебя мой дух! Ты под охраной мессии и моей охраной".

И она села возле него и стала с ним забавляться, пока его страх не рассеялся и он не понял, что если бы у нее было желание убить его, она бы наверное это сделала прошлой ночью. А потом она заговорила с одной из невольниц на языке румов, и та на некоторое время скрылась и потом пришла к ней, и с ней была чаша и столик с кушаньями. По Шарр-Кан медлил есть и подумал про себя: "Быть может, она что-нибудь положила в это кушанье". И девушка поняла его тайные мысли и сказала: "Клянусь мессией, это не так, и в этом кушанье нет ничего из того, что ты подозреваешь! И если бы у меня было желание тебя убить, я бы уже убила тебя к этому времени". И она подошла к столику и съела от каждого кушанья кусочек, и тогда Шарр-Кан стал есть, и девушка обрадовалась и ела с ним, пока они не насытились. И они вымыли руки, а вымыв руки, девушка поднялась и велела невольнице принести цветы и сосуды для питья, – золотые, серебряные и хрустальные, – и чтобы питье было всевозможных и разнообразных видов и качеств, и невольница принесла ей все, что она потребовала. И девушка наполнила первый кубок и выпила его раньше Шарр-Кана, так сделала и с кушаньем, а затем она наполнила кубок вторично и подала Шарр-Кану, который его выпил, и сказала ему: "О мусульманин, посмотри, каково тебе в приятнейшей и сладостнейшей жизни". И она до тех пор пила с ним и поила его, пока его разумение не исчезло..." И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок девятая ночь

Когда же настала сорок девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка до тех пор пила и поила Шарр-Кана, пока его разумение не исчезло от вина и от опьянения любовью к ней, а потом она сказала невольнице: "Марджана, подай нам какие-нибудь музыкальные инструменты". И невольница отвечала: "Слушаю и повинуюсь!" – и, скрывшись на мгновение, принесла дамасскую лютню, персидскую арфу, татарскую флейту и египетский канун [101]. И девушка взяла лютню, настроила ее и, натянув струны, запела под псе нежным голосом, мягче ветерка и слаже вод Таснима [102], идущим от здравого сердца, и произнесла такие стихи:

"Аллах да простит очам твоим! Сколько пролили

Они крови любящих и сколько метнули стрел!

Я чуя тех возлюбленных, что злы были с любящим,

Запретно жалеть его и быть сострадательным.

Да будет здоров глаз тех, кто ночь по тебе не спал,

И счастливо сердце тех, кто страстью к тебе пленен!

Судил ты убить меня – ведь ты повелитель мой,

И жизнью я выкуплю судью и властителям.

И потом каждая из невольниц поднялась со своим инструментом и стала говорить под него стихи на языке румов. И Шарр-Кан возликовал. А после этого девушка, их госпожа, тоже запела и спросила его: "О мусульманин, разве ты понял, что я говорю?" – и Шарр-Кан ответил: "Нет, по я пришел в восторг лишь из-за красоты твоих пальцев", а девушка засмеялась и сказала: "Если я спою тебе по-арабски, что ты станешь делать?" – "Я не буду владеть моим умом!" – воскликнул Шарр-Кан, и она взяла лютню и, изменив напев, произнесла:

"Вкусить разлуку так горько,

И будет ли тут терпенье?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Представилось мне три горя:

Разлука, даль, отдаленье!

Красавца люблю – пленен я

Красой, и горька разлука"

А окончив свои стихи, она посмотрела на Шарр-Кана и увидела, что Шарр-Кан исчез из бытия, и он некоторое гремя лежал между ними брошенный и вытянутый во всю длину, а потом очнулся и вспомнил о пенни и склонился от восторга. И они стали пить и играли и веселились до тех пор, пока день не повернул к закату и ночь не распустила крылья. И тогда она поднялась в свою опочивальню, и Шарр-Кан спросил о ней, и ему сказали: "Она ушла в опочивальню", а он воскликнул: "Храпи и оберегай ее Аллах!"

А когда наступило утро, невольница пришла к нему и сказала: "Моя госпожа зовет тебя к себе". И Шарр-Кан поднялся и пошел за нею, и когда он приблизился к помещению девушки, невольницы ввели его с бубнами и свирелями, и он дошел до большой двери из слоновой кости, выложенной жемчугом и драгоценными камнями. И они вошли туда и увидели другое обширное помещение, в возвышенной части которого был большой портик, устланный всякими шелками, а вокруг портика шли открытые окна, выходившие на деревья и каналы, и в помещении были статуи, в которые входил воздух и внутри их двигались инструменты, так что смотрящему казалось, что они говорят. И девушка сидела и смотрела на них и, увидя Шарр-Кана, поднялась на ноги ему навстречу и, взяв его за руку, посадила его с собою рядом и спросила, как он провел ночь, и Шарр-Кан поблагодарил ее.

И они сидели разговаривая, и девушка спросила его: "Знаешь ли ты что-нибудь, относящееся к влюбленным, порабощенным любовью?" – "Да, я знаю некоторые стихи", – ответил Шарр-Кан, и девушка сказала: "Дай мне их послушать". И тогда Шарр-Кан произнес:

"Во здравье да будет Азза [103], хвори не знает пусты!

Все с честью моей она считает дозволенным!

Аллахом клянусь, едва я близко, – бежит она,

И много когда прошу я, мало дает она.

В любви и тоске моей по Аззе, когда смогу

Помехи я устраниТЬ и Азза одна со мной,

Подобен я ищущим прикрыть под облаком:

Как только заснут они, – рассеется облако".

И девушка, услышав это, сказала: "Кусейир был явно красноречив и целомудрен. Он превосходно восхвалил Аззу, когда сказал:

"И когда бы Азза тягалась с солнцем во прелести

Пред судьей третейским, решил бы дело ей в пользу он.

По немало женщин с хулой на Аззу бегут ко мне

Пусть не сделает бог ланиты их ее обувью".

И говорят, что Азза была до крайности красива и прелестна, – добавила она и потом молвила: – О царевич, если ты Знаешь что-нибудь из речей Джамиля Бусейны [104], скажи нам".

И Шарр-Кан отвечал: "Да, я знаю их лучше всех, – и произнес из стихов Джамиля такие стихи:

Они говорят. "Джамиль, за веру сразись в бою"

К каким же бойцам стремлюсь я, кроме красавиц?

Ведь всякая речь меж них звучит так приветливо,

И, ими поверженный, как мученик гибнет.

И если спрошу: "О, что, Бусейна, убийца мой,

С любовью моей?" – она ответит: "Все крепнет!"

А если скажу: "Отдай рассудка мне часть, чтобы мог

Я жить!" – то услышу я в ответ: "Он далеко!"

Ты хочешь убить меня, лишь этого хочешь ты,

А я лишь к тебе стремлюсь, к единственной цели".

Услышав это, девушка воскликнула: "Ты отличился, царевич, и отличился Джамиль! Что хотела сделать с Джамилем Бусейна, когда он сказал это полустишие:

"Ты хочешь убить меня,

Лишь этого хочешь ты?"

"О госпожа, – отвечал Шарр-Кан, – она хотела сделать с ним то же, что ты хочешь сделать со мной, хотя даже и это тебя не удовлетворяет". И она засмеялась, когда Шарр-Кан сказал ей эти слова, и они, не переставая, пили, пока день не повернул к закату и не приблизилась мрачная ночь. И тогда девушка встала и ушла в свою опочивальню и заснула, и Шарр-Кан проспал в своем месте, пока не настало утро. А когда он очнулся, к нему, как обычно, пришли невольницы с бубнами и музыкальным я инструментами и поцеловали землю меж его рук и сказали: "Во имя Аллаха! Пожалуй, наша госпожа призывает тебя явиться к ней".

И Шарр-Кан пошел, окруженный невольницами, бывшими в бубны и игравшими. И он вышел из этого покоя и вошел в другой покой, больший, чем первый, и в нем были изображения и рисунки птиц и зверей, которых по описать.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Шарр-Кан удивился, как искусно отделано это помещение, и произнес:

"Мои соперник рвет из плодов ее ожерелий
Жемчуга груди, что оправлены чистым золотом.
О поток воды, на серебряных слитках льющийся.
О румянец щек, на топазе лиц расцветающий!
И мне кажется, что фиалки цвет здесь напомнил нам
Синеву очей, что охвачены сурьмы кольцами".

И при виде Шарр-Кана девушка встала и, взяв его под руку, посадила с собою рядом и сказала: "Искусен ли ты, о сын царя Омара ибн ан-Нумана, в игре в шахматы?" И Шарр-Кан сказал: "Да, но не будь ты такова, как сказал поэт:

Скажу я, а страсть меня то скрутит, то пустит вновь,

И меда любви глоток смягчает мне жажду.

Любимой я шахматы принес, и играл со мной

То белых, то черных ряд, по я недоволен.

И кажется, что король на месте ладьи стоит,

"И хочет как будто он с ферзями сразиться.

А если прочту когда я смысл взгляда глаз ее,

Жеманство очей се, друзья, меня губит".

Затем она пододвинула ему шахматы и стала с ним играть. И Шарр-Кан, всякий раз, как он хотел посмотреть, как она ходит, смотрел на ее лицо и ставил коня на место слона, а слона на место коня. И она засмеялась и сказала: "Если ты играешь так, то ты ничего не умоешь", а Шарр-Кан отвечал: "Это первая игра, не считай ее!"

И когда она его обыграла, он снова расставил фигуры и стал с ней играть, и она обыграла его во второй раз и в третий раз, и в четвертый, и в пятый, и повернулась к нему и сказала: "Ты во всем побежден!" – "О господа, – отвечал Шарр-Кан, – тому, кто играет с тобой, как не быть побежденным?" А затем она велела принести кушанье, и они поели и вымыли руки, и им подали вино, и они выпили, и после этого она взяла канун (а она была умелой в игре на кануне) и произнесла такие стихи:

"Судьба то отпустит пас, то снова пас скрутит

И как бы влечет к себе и вновь отгоняет.

Так пей же, пока судьба прекрасна, коль можешь ты

Со мной не расстаться вновь, и пей безудержно!"

И они продолжали так поступать, пока не подошла ночь, и в этот день было лучше, чем в первый день, а когда ночь приблизилась, девушка ушла в свою опочивальню. И возле Шарр-Кана остались только невольницы, и он бросился на землю и проспал до утра.

И невольницы, по обычанию, пришли к нему с бубнами и музыкальными инструментами, и, увидав их, Шарр-Кан поднялся и сел. А невольницы взяли его и пошли с ним и привели его к девушке. И при виде его она поднялась на ноги, взяла его за руку и посадила с собою рядом и спросила его о том, как он провел ночь, и Шарр-Кан пожелал ей долгой жизни, а она взяла лютню и произнесла:

"Оставь стремление к разлуке ты

Горька ведь вкусом всегда она.

И солнца луч в предзакатный час

От мук разлуки желтеет весь".

И когда они были в таком состоянии, они вдруг услышали шум и увидели мужей, теснившихся друг к другу, и патрициев, в руках которых блестели обнаженные мечи, и все говорили на языке румов: "Ты попался нам, о Шарр-Кан, будь же уверен в своей гибели!" И, услышав эти слова, Шарр-Кан подумал: "Клянусь Аллахом, эта девушка устроила хитрость и дала мне отсрочку до тех пор, пока пришли ее люди, те витязи, которыми она меня устрашала. Но я сам ввергнул себя в гибель!"

И он обернулся к девушке, чтобы упрекнуть ее, и увидел, что ее лицо изменилось и побледнело, и она вскочила на ноги и крикнула им: "Кто вы?" И патриций, предводительствовавший ими, ответил ей: "О благородная царица и единственная жемчужина, разве не знаешь ты, кто подле тебя?" И девушка сказала: "Я не знаю его. Кто же он, этот человек?" – "Это разрушитель городов и господин витязей, это Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана. Это тот, кто завоевал крепости и завладел всеми неприступными местами, – отвечал предводитель. – Сведение о нем дошло до царя Хардуба, твоего отца, от старухи госпожи Зат-ад-Давахи. И царь, твой отец, убедился потом из рассказа старухи. И вот ты помогла войску румов, захватив этого зловещего льва!"

И, услышав слова патриция, девушка посмотрела на него и спросила: "Как твое имя?" И он отвечал: "Мое имя Масура, сын твоего раба Маусуры ибн Каширда, патриция среди патрициев". – "Как же ты вошел ко мне Грез позволения?" – спросила она. "О госпожа, – отвечал предводитель, – когда я достиг дверей, меня не задержали ни придворный, ни привратник, напротив – все привратники поднялись и пошли впереди нас, как это обычно бывает; когда же приходит кто-нибудь из нас, они оставляют его стоять у дверей, пока не испросят ему разрешения войти. Но теперь не время затягивать разговор. Царь ждет нашего возвращения с этим царем, в котором сила войск ислаама, чтобы убить его, и тогда его войска уйдут в то место, откуда они пришли, и нам не придется утомляться, сражаясь с пичи".

И, услышав эти слова, девушка воскликнула: "Поистине, эти речи нехороши, но соглаша госпожа Зат-ад-Давахи и сказала ложные слова. Она не знает о нем истины! Я клянусь мессией, что тот, кто у меня, не Шарр-Кан и не пленный, но это человек, который к нам пришел и явился и попросил нашего гостеприимства, и мы приняли его, как гостя. И если бы мы удостоверились, что это подлинно Шарр-Кан и твердо убедились бы, что это именно он без сомнения, то ему, но его благородству, не подобает мое покровительство. Не заставляйте же меня обманывать моего гостя и не позорьте меня среди людей. Но ты пойди к царю, моему отцу, облобызай перед ним землю и расскажи ему, что дело не таково, как говорила госпожа Затад-Давахи". – "О Абриза, я не могу вернуться к царю иначе, как с его соперником, – отвечал патриций Масура, и девушка сказала ему гневно: "Горе тебе, вернись к нему с ответом, на тебе не будет упрека!" Но Масура

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

отвечал: "Я вернусь только с ним". И тогда цвет лица Абризы изменился, и она сказала ему: "Не будь многоречив и болтлив! Этот человек вошел к нам, полагаясь на себя в том, что он может напасть один на сто всадников, и если бы я сказала ему: "Ты Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана", – он ответил бы: "Да!" Но я не дам вам напасть на него; если же вы на него нападете, он не отойдет от вас, не перебив всех, кто есть в этом месте. Вот он у меня, и вот я приведу его к вам с его мечом и щитом".

И патриций Масура ответил ей: "Если я в безопасности от твоего гнева, то я не в безопасности от гнева твоего отца. И когда я увижу Шарр-Кана, я дам знак витязям, и они возьмут его в плен, и мы его отведем к царю, униженного!" – "Не будет этого, – вскричала Абриза, – это образец глупости. Этот человек один, а вас сто. Если вы хотите схватиться с ним, то выходите на него один за другим, чтобы царю стало ясно, кто среди вас храбрец..."

И Шахразаду застигло утро, и сна

О прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до пятидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царевна Абриза сказала патрицию: "Этот человек один, а вас сотня, и если вы хотите схватиться с ним, то показывайтесь ему один за одним, чтобы царю стало ясно, кто среди вас храбрец". – "Клянусь мессией, – воскликнул патриций Масура, – ты сказала истину! Но никто не выйдет на него первым, кроме меня!" – "Подожди, – сказала Абриза, – пока я пойду к нему и осведомлю его о ваших речах и посмотрю, каков будет его ответ. Если он согласится, это хорошо, а если откажется, то нет для вас к нему пути. И я, и мои девушки, и те, кто в монастыре, будут за него выкупом".

И она пришла к Шарр-Кану и рассказала ему, что было, и он улыбнулся, поняв, что она никому не говорила о его деле и что весть о нем распространилась и дошла до царя не по ее желанию. И он снова начал упрекать себя и подумал: "Как это я выкинул свою душу в страну румов!"

И, услышав слова девушки, он сказал ей: "Выходить на меня один за одним им непосильно. Отчего бы им не выйти на меня десяток за десятком?" "Такая ловкость была бы обидой, – отвела девушка, – пусть один выходит на одного". И когда Шарр-Кан услышал это, он вскочил на ноги и пошел к ним, и с ним были его меч и военные доспехи.

И тут патриций вскочил и бросился на него, и Шарр-Кан встретил его, как лев, и ударил его в плечо, так что меч вышел, сверкая, из его спины и кишок. И когда девушка увидела это, значение Шарр-Кана увеличилось в ее глазах, и она поняла, что, когда она его свалила, он был повернут не ее силой, а ее прелестью и красотой. И девушка подошла к патриции и сказала: "Отомстите за вашего товарища!" И тогда к Шарр-Кану вышел брат убитого, – а это был упорный великан, – и Шарр-Кан, не дав ему срока, ударил его мечом в плечо, и меч вышел, сверкая, из его кишок. И девушка крикнула: "О рабы мессии, отомстите за вашего товарища!"

И они до тех пор выходили, один за другим, а Шарр-Кан играл с ними своим мечом, пока он не убил пятьдесят патрициев, а девушка смотрела на них. И Аллах заснул страх в душу тех из них, кто остался, и они отступили перед поединком и не дерзали выходить на Шарр-Кана, но бросились на него все сразу, и он тоже бросился на них с сердцем крепче камня и смолол их, как мелет молотилка, и похитил их умы и души. И девушка закричала своим невольницам и спросила их: "Кто еще остался в монастыре?" И они ответили: "Не осталось никого, кроме привратников". И царевна пошла навстречу Шарр-Кану и взяла его в объятия, и Шарр-Кан отправился с нею во дворец после тою, как окончил схватку. А из патрициев немногие уцелели, спрятавшись в кельях монастыря. И когда девушка увидела этих немногих, она поднялась и ушла от Шарр-Кана, а затем вернулась, одетая в кольчугу из узких колец, с острым индийским мечом в руках, и сказала: "Клянусь мессией, я не покажу самой себя для моего гостя и не оставлю его, даже если буду опорочена из-за этого в странах румов".

И, взглянувшись внимательно в витязей, она увидела, что Шарр-Кан убил из них восемьдесят, а убежало двадцать. Увидав, что он сделал с людьми, она воскликнула: "Подобным тебе похваляются витязи! Ты достоин Аллаха, о Шарр-Кан!" А он после этого встал и, вытирая с меча кровь убитых, произнес такие стихи:

"Как много войск в сраженье я рассеял

И витязей львам отдал на съеденье!

О том, как встарь они со мной сражались,

В день жарких битв, спросите вы всех тварей"

Их львов в Сою поверж я и оставил

В пыли земной на тех полях широких".

И когда он окончил свои стихи, девушка подошла, улыбаясь, и поцеловала ему руку и сняла кольчугу, бывшую на ней, а Шарр-Кан спросил ее: "О госпожа моя, зачем ты надела эту кольчугу и обнажила свой меч?" – "Чтобы защитить тебя от этих злодеев", – ответила девушка. А затем она позвала привратников и спросила их: "Как вы дали приближенным царя войти в мое жилище без позволения?" – "О царевна, – ответили привратники, – обычно нам по нужно было спрашивать у тебя разрешения для послов царя, в особенности для великого патриция". А она отвела: "Я думаю, вы хотели лишь опозорить меня и убить моего гостя!"

И она велела Шарр-Кану отрубить им головы, и он отрубил им головы, и тогда она сказала остальным своим слугам, что они заслуживают большего, чем это.

А затем она обратилась к Шарр-Кану и сказала ему: "Теперь тебе стало ясно то, что было скрыто. Сейчас я осведомлю тебя о моей истории. Знай, что я дочь царя румов Хардуба, и имя мое Абриза. А старуха, которую зовут Зат-ад-Давахи, – моя бабка, мать моего отца. Это она осведомила моего отца о тебе, и она непременно придумает хитрость, чтобы погубить меня, тем более что ты убил витязей моего отца, а про меня стало известно, что я отделилась и присоединилась к мусульманам. Правильней будет мне поскорей уехать отсюда, пока Зат-ад-Давахи не настигла меня. Но я хочу, чтобы ты мне оказал такую же милость, какую я оказала тебе: вражда между мною и моим отцом возникла из-за тебя, не пропусти же ничего из моих слов: все это произошло только из-за тебя".

И когда Шарр-Кан услышал эти слова, его ум улетел от радости, и его грудь расправилась, и он развеселился и воскликнул: "Клянусь Аллахом, никто до тебя не доберется, пока в моей груди есть дух! Но можешь ли ты вытерпеть разлуку с отцом и с родными?" – "Да", – отвела она.

И Шарр-Кан поклялся ей, и они дали обещание друг другу, и тогда она сказала: "Теперь мое сердце успокоилось, но для тебя осталось еще одно условие". – "А какое?" – спросил он, и она ответила: "Ты вернешься с войском в твою страну". И Шарр-Кан воскликнул: "О госпожа, мой отец Омар ибн ан-Нуман послал меня сражаться с твоим отцом из-за тех богатств, которые он захватил, а в числе их были три больших камня с многими благословенными свойствами". – "Успокой свою душу и прохлади глаза, – сказала девушка. – Я расскажу тебе эту историю и осведомлю тебя о причине пашей вражды с царем аль-Кустантини. У нас бывает каждый год праздник, называемый праздником монастыря. Тогда здесь собираются со всех краев цари и дочери вельмож и купцов и их жены и живут здесь семь дней. И я приезжаю в числе их. А когда между нами возникла вражда, мой отец запретил мне бывать на этом празднике в течение семи лет. И случилось так, что в каком-то году дочери вельмож всех стран приехали из своих дворцов и монастыря на этот праздник, следуя обычая. И среди прибывших на праздник была дочь аль-Кустантинии, прекрасная девушка по имени Суфия. И они провели в монастыре шесть дней, а на седьмой день

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

все уехали. И Суфия сказала: "Я вернусь в аль-Кустантынию только морем!" И ей снарядили корабль, и она взошла на него со своими приближенными, и распустили паруса и поплыли. И когда они плыли, вдруг поднялся ветер и сбил корабль с пути. А в этом месте, по предопределению судьбы, был корабль христиан с Камфарного острова, и на нем пятьсот вооруженных франков [105], и они уже находились в море некоторое время. И когда христианам блеснули паруса корабля, где находилась Суфия и девушки, бывшие с ней, они поспешно бросились к нему. Не прошло и часу, как они подплыли к кораблю, накинули на него крючья и повлекли его, и, распустив паруса, направились к своему острову. Но они удалились не на много, и вдруг ветер изменился, и обернулся на них, и понес их на мель. И ветер разорвал их паруса и насильно привлек их к нам. И мы вышли на них и сочли их своей добычей и захватили их и перебили. Мы взяли все сокровища и редкости и сорок девушек, среди которых была Суфия, дочь царя. И мы захватили их и доставили девушек моему отцу, не зная, что среди них находится дочь паря Афридуна, царя аль-Кустантынии. И мой отец выбрал из них десять девушек и в числе их царевну, остальных раздал своим приближенным. Потом он отобрал пять девушек и меж ними царевну и послал их в подарок твоему отцу, Омару ибн ан-Нуману, и с ними немного сукна, шерстяных одежд ишелковых румских материй. И отец твой принял подарки и выбрал из пяти невольниц Суфию, дочь царя Афридуна. И когда наступило начало этого года, отец Суфии написал письмо моему отцу словами, которых не подобает упоминать, и угрожал и бранил его, говоря: "Два года тому назад вы захватили у меня корабль, который был в руках разбойников и воров из одного франкского отряда и на корабле была моя дочь Суфия, и с нею около шестидесяти невольниц. И вы не осведомили меня и никого не прислали известить меня об этом. А я не могу объявить об этом деле, так как боюсь, что позор моей чести будет известен всем царям, ибо моя дочь обесчещена, и я скрывал это до сего года. Я написал некоторым разбойникам-франкам и спросил их, на островах какого паря она находится. И они ответили мне: "Клянемся богом, мы не увозили ее из твоей страны, но мы слышали, что ее вырвали из рук каких-то разбойников царь Хардуб". И они рассказали ему все дело. И Афридун говорил в письме, которое он написал моему отцу: "Если вы не хотите со мной враждовать и не намерены меня опозорить и обесчестить мою дочь, то в час прибытия моего письма к вам пришлите мою дочь ко мне! Если же вы пренебрегете моим письмом и ослушаитесь моего повеления, я неминуемо воздам вам за ваши скверные поступки и Злые деяния".

И это письмо пришло к моему отцу, и, когда он его прочитал и понял, в чем дело, ему стало тяжело. И он раскаялся, что по незнанию держал у себя Суфию, дочь царя Афридуна, среди тех девушек и не вернул ее отцу. И он не знал, как ему поступить, так как он уже не МОР после такого большого срока послать к царю Омару ибн ан-Нуману и потребовать у него девушку, тем более что мы услышали, малое время тому назад, что царь был наделен детьми от своей невольницы, которую зовут Суфия, дочь царя Афридуна.

И, поразмыслив, мы поняли, что это письмо есть великая беда, и отец не мог ничего придумать кроме того, чтобы написать ответ царю Афридуну, извиняясь и принося ему клятвы, так как он не знал, что его дочь находилась среди девушек, бывших на том корабле. А затем он объяснил ему, что она послана царю Омару ибн ан-Нуману, которому достались от нее дети.

И когда послание моего отца дошло до Афридуна, царя аль-Кустантынии, он стал вставать и садиться, и ревел и пускал пену и кричал: "Как это он захватил мою дочь и она сделала подобна невольнице и переходила из рук в руки и оказалась у царей, которые познали ее без брачной записи! Клянусь мессией и истинной верой, я не отступлюсь, пока не отомщу и не сниму с себя позор. Поистине, я совершу дело, о котором будут рассказывать после меня рассказчики!"

И царь Афридун выжидал до тех пор, пока не придумал хитрость и не расставил великие козни: он послал послов к твоему отцу Омару ибн ан-Нуману и передал ему те речи, что ты сейчас слышал, с тем, чтобы твой отец снарядил тебя и войска, которые с тобою, и послал бы к нему, и он мог бы схватить тебя с твоими войсками. А что до трех камней, о которых он говорил твоему отцу в своем послании, то в этом нет правды: они были у Суфии, его дочери, и мой отец отобрал их у нее, когда она оказалась в его власти вместе с другими девушками, что были с ней, и подарил их мне, и сейчас они у меня. Отправляйся же к своим войскам и поверни их назад, прежде чем они углубятся и зайдут далеко в земли франков и румов! Если вы углубитесь в их страны, ваши пути станут тесны и вы не найдете освобожденья из их рук до дня воздаяния и возмездия. Я знаю, что войска твои стоят на месте так, как ты приказал им стоять три дня назад, хотя они потеряли тебя в это время и не знают, что им делать".

И, услышав эти слова, Шарр-Кан на некоторое время исчез из мира, размышляя, а затем он поцеловал руку царевны Абризы и воскликнул: "Слава Аллаху, который послал мне тебя и сделал тебя причиной моего спасения и спасения тех, кто со мной! Но мне тяжело расстаться с тобой. Я не знаю, что с тобою случится, если я оставлю тебя". – "Отправляйся теперь к своему войску и возвращайся с ним назад, – сказала Абриза, – и если послы с войском, схвати их, пока дело выяснится. Вы вблизи от ваших земель, а через три дня я нагоню вас, и вы вступите в Багдад, и тогда мы все будем вместе".

И затем, когда Шарр-Кан хотел удалиться, она сказала ему: "И обет, который между нами, – не забудь ею", – и она встала, чтобы проститься с ним и обняться и погасить пламя тоски. И она просилась с ним и обняла его и заплакала сильным плачем и произнесла такие стихи:

"Я прощался в ней и утер рукою правою,

И прижал ее рукою левою, обнимая.

Она молвила: "Иль позор не страшен?" Ответил я:

"В день прощания для влюбленного нет позора".

А затем Шарр-Кан расстался с царевной Абризой и вышел из монастыря, и ему подвели его копя, и он сел и выехал, направляясь к мосту. И, достигнув его, он проехал по мосту и въехал в рощу, а когда он миновал ее и проехал луг, он вдруг увидел трех всадников. И он насторожился, и обнажил меч, и осторожно стал продвигаться, но когда всадники приблизились к нему и они посмотрели друг на друга, они узнали Шарр-Кана, а он взглянул на них и вдруг видел: один из них – визирь Дандан и с ним два эмира. И когда они увидели Шарр-Кана и узнали его, они спешились и приветствовали его. И визирь спросил его о причине его отсутствия. Тогда Шарр-Кан рассказал им обо всем, что у него случилось с царевной Абризой с начала до конца, прославляя при этом Аллаха великого.

А после этого Шарр-Кан сказал: "Удалимся из этих стран; послы, которые прибыли с нами, ушли от нас сообщить своему царю о пашем прибытии. Быть может, за ними уже гонятся и сейчас схватят нас".

И Шарр-Кан велел прокричать среди войск об отъезде, и все тронулись, и двигались, не переставая, и ускоряли ход, пока не миновали долину. А послы отправились к своему царю и рассказали ему о прибытии Шарр-Кана. И царь снарядил войско, чтобы схватить его и тех, кто был с ним. Вот что было с послами и царем.

Что же касается до Шарр-Кана, визиря Дандана и двух эмиров, то эти четверо подъехали к войску и закричали: "Трогайтесь, трогайтесь!" И войска тотчас же тронулись и ехали день и второй день и третий день и двигались, не переставая, пять дней, а затем расположились в долине, поросшей лесом, и отдыхали некоторое время, и после этого двинулись дальше и ехали в течение двадцати пяти дней, пока не приблизились к своим землям. И, достигнув этих мест, они стали спокойны за свои души и спешились, чтобы отдохнуть. И к ним вышли жители тех земель с угощением и кормом для животных и запасами. И войскаостояли два дня и двинулись дальше в свои земли. Но Шарр-Кан остался с сотней всадников. А визиря Дандана он сделал эмиром, и войска отравились с ним. И когда после их отъезда прошел день, Шарр-Кан решил двинуться в путь и сел на коня, и его сто всадников сели тоже, и они проехали два фарсаха [106] и достигли узкого места между двумя горами и вдруг увидели перед собой облака пыли и праха. И они сдерживали своих коней в течение часа, пока пыль не рассеялась и не показалось сто всадников – хмурые львы, залитые в железо и кольчуги. И, приблизившись к Шарр-Кану и к тем, кто был с ним, они закричали: "Клянемся Юханной и Мариам [107], мы достигли того, к чему стремились! Мы спешим за вами ночью и днем и прибыли в это место раньше вас! Сходите с ваших коней, отдайте нам ваше оружие и вручите нам ваши души, чтобы мы подарили вам ваши жизни!"

И когда Шарр-Кан услышал эти слова, глаза вылезли у него на темя, его щеки покраснели, и он воскликнул: "О христианские собаки, вы осмелились прийти в наши страны и пройти по нашей земле? Но вам недостаточно этого, и вы подвергаете себя опасности и обращаетесь к

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

нам с этой речью! Или вы думаете, что вырветесь из наших рук и возвратитесь в ваши земли?" И он крикнул ста всадникам, которые были с ним, и сказал: "Вот вам эти собаки, их столько же числом, сколько вас!" И, обнажив меч, бросился на них.

И сто всадников бросились вместе с ним, и франки встретили их с сердцами крепче камня, и люди столкнулись с людьми, и храбрецы напали на храбрецов, и завязался тесный бой и жестокая стычка, и великий был ужас, и прекратились слова и разговоры.

И они бились и сражались и разили мечами, пока день не повернулся на закат и не приблизилась темная ночь. И тогда они отошли друг от друга. И Шарр-Кан встретился со своими товарищами и увидел, что только четверо получили раны, но они оказались благополучными. И Шарр-Кан сказал им: "Клянусь Аллахом, я всю жизнь погружаюсь в ревущее море боя и сражаюсь с мужами, но не видел никого более стойких в единоборстве при встречах с бойцами, чем эти храбрецы!" И ему ответили: "Знай, о царь, что среди них есть один французский воин, их предводитель, который доблестен и глубоко разит копьем, но он, клянемся Аллахом, не коснулся нас, ни больших, ни малых, и всякого, кто оказывался перед ним, он как будто не замечал и не сражался с ним. Но клянемся Аллахом, если бы он захотел нас убить, он убил бы нас всех!"

И Шарр-Кан растерялся, узнав о таких делах и услышав такие слова витязей. "Завтрашний день, - сказал он, - мы построимся и сразимся с ними поодиночке: нас ведь сотня и их сотня, и мы попросим помочь против них у господа небес". И они провели эту ночь, согласившись на этом.

Что же до франков, то они собрались вокруг своего предводителя и сказали ему: "Сегодня мы не добились желаемого с этими людьми". - "Завтра, - ответил предводитель, - мы выстроимся и сразимся с ними один за одним". И они провели ночь, согласившись на этом.

И оба войска стояли на страже, пока Аллах великий не засветил утра. И царь Шарр-Кан сел на коня, и его сто всадников тоже сели, и все явились на поле и увидели, что франки уже выстроились для боя. И Шарр-Кан сказал своим товарищам: "Наши враги задумали прежнее. Вот они, выезжайте к ним!" Но тут глашатай франков закричал: "Наш бой сегодняшний день будет таким: пусть храбрец из вас выступит на храбреца из нас!" И тогда один витязь из товарищей Шарр-Кана выехал и погнал коня между рядами и крикнул: "Нет ли бойца, нет ли противника? Пусть не выходит против меня ленивый и слабый!" И еще не закончил он своих слов, как на него уже вылетел витязь из франков, залитый в доспехи, и одежды его были золотые, и сидел он на пепельном коне, и на щеках этого франка не было растительности. И он погнал своего коня и остановился посреди поля и выступил с противником в бой мечом и копьем. И не прошло часу, как франк уже ударил его копьем, скинул его с коня и взял в плен и увел его, униженного. И его люди обрадовались этому и не дали ему выйти на поле и выставили другого. И к нему вышел другой боец из мусульман, брат пленного, и стал против него на поле, и оба кидались друг на друга недолгое время, а затем франк напал на мусульмана и, обманув его, ударил его задним концом копья, сбросил с коня и взял в плен.

И мусульмане не переставали выходить, один за другим, а франк брал их в плен, пока день не повернулся "а закат и не наступила мрачная ночь, из мусульман попало в плен двадцать витязей. И когда Шарр-Кан увидел это, ему стало тяжело, и он собрал своих товарищ и сказал им: "Что это за напасть постигла нас! Я выйду завтрашний день на поле и потребую поединка с предводителем франков. Я посмотрю, что было причиной его вступления в наши земли, и остерегу его от сражения с нами. И если он отвергнет это, мы сразимся с ним, а если заключит мир, мы помиримся с ним".

И они провели ночь в этом положении. А когда Аллах великий засветил утро, оба войска сели на коней, и оба отряда выстроились, и Шарр-Кан хотел выйти на поле, как вдруг видит, что из франков больше половины спешились перед одним из витязей, и они шли перед ним, пока не оказались среди поля. И Шарр-Кан всмотрелся в этого витязя и вдруг видит, что витязь, их предводитель, одет в голубой атласный кафтан и лицо его подобно луне, когда она засияет, а поверх кафтана у него кольчуга с узкими кольцами и в руке его отточенный меч, а сидит он на вороном коне с белым пятном во лбу, величиной с дирхем, и у этого франка нет растительности на щеках. И витязь ударил своего коня пяткой и выехал на середину поля и сделал мусульманам знак, говоря на чистом арабском языке: "О Шарр-Кан, сын царя Омара ибн анНумана! О ты, что овладел крепостями и разрушил города, выступай на бой и сражение и выходи к тому, кто равен тебе на поле. Ты господин своего племени, и я господин своего племени. И тому из нас, кто победит своего противника, будут повиноваться люди побежденного".

И он не закончил еще своих слов, как Шарр-Кан выступил к нему с сердцем, полным гнева, и, погнав своего коня, он приблизился к франку и накинулся на него, как разъяренный лев. И франк встретил его на поле с опытностью и уменьем и схватился с ним, как схватываются витязи, и они стали сражаться и биться копьями и убегали и снова нападали и схватывались и отражали, подобные двум столкнувшимся горам или двум бьющимся морям. И сражение продолжалось, пока день не повернулся на закат и не наступила мрачная ночь. И тогда каждый из них расстался со своим противником и вернулся к своим товарищам. И Шарр-Кан, возвратившись к своим: людям, сказал им: "Я никогда не встречал подобного этому всаднику, по только я заметил в нем одно свойство, которого не видел ни у кого, кроме него: когда он увидит на своем противнике место для убийственного удара, он поворачивает копье и ударяет задним концом. Я не знаю, что у нас будет с ним, по я желал бы, чтобы в нашем войске были подобные ому и его товарищам".

И Шарр-Кан проспал ночь, а когда наступило утро, франк вышел к нему и спешился посреди поля, а Шарр-Кан подошел к нему, и они принялись биться и погрузились в сражение и бой, и шеи всех протянулись к ним, и они сражались и бились и разили копьями, пока день не повернулся на закат и не наступила мрачная ночь. И тогда они разошлись и вернулись к своим людям. И каждый из них стал рассказывать товарищам, что он перенес от своего противника. И франк сказал своим войнам: "Завтра решится дело!"

И они проспали эту ночь до утра, а затем оба витязя сели на коней и бросились друг на друга и сражались до полудня, а потом франк исхитрился и, ударив коня пяткой, потянул за повод, и конь споткнулся и сбросил его. И Шарр-Кан наклонился над своим соперником и хотел ударить его мечом, боясь, что дело с ним затянется. Но франк закричал ему и сказал: "О Шарр-Кан, не таковы бывают витязи! Так поступает побежденный женщинами!" И когда Шарр-Кан услышал от витязя эти слова, он поднял глаза и пристально посмотрел на него и увидел, что это царевна Абриза, с которой у него случилось в монастыре то, что случилось. И, узнав ее, он выпустил меч из руки и, поцеловав перед ней землю, спросил: "Что побудило тебя на эти поступки?" И Абриза ответила: "Я хотела испытать тебя на поле и посмотреть, крепок ли ты в бою и сражении, а все те, кто со мной, - мои девушки" и все они невинные девы, но они одолели твоих витязей Б жарком бою. Если б мой конь подо мной не споткнулся, ты увидел бы мою силу и стойкость".

И Шарр-Кан улыбнулся ее словам и сказал ей: "Слава Аллаху за спасение и за то, что мы встретились с тобой, о царица времени!" И потом царевна Абриза крикнула своим девушкам и велела им спешиться, отпустив сначала их двадцать пленников из людей Шарр-Кана, которых они взяли. И девушки последовали ее приказанию и обложили землю перед обоими. И Шарр-Кан сказал: "Подобных вам цари приберегают на случай беды". А затем он сделал знак своим людям, чтобы они приветствовали ее, и они все спешились и поцеловали землю меж рук царевны Абризы (а они уже поняли, в чем дело). А потом двести всадников сели на коней и ехали ночью и днем в течение шести дней, пока не приблизились к своей стране. И Шарр-Кан приказал царевне Абризе и ее девушкам снять бывшие на них одежды франков..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.